

СЕМАНТИКА ЛЁГКОГО ГЛАГОЛА *tok* 'ВЫЙТИ' В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ГОВОРЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА *

Ф. В. Голосов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» /
Университет Мэриленда*

В статье описывается семантика лёгкого глагола *tok* 'выйти' в малокарачкинском говоре чувашского языка. Детально разбираются семантические характеристики лёгкого глагола и предлагается анализ, согласно которому лёгкий глагол — это аспектуальный оператор, образующий предельные сложные глаголы со значением полноты охвата объекта действием.

Ключевые слова: лёгкие глаголы, акциональность, аспект, дистрибутивность, сложные глаголы.

Для цитирования: Голосов Ф.В. Семантика лёгкого глагола *tok* 'выйти' в малокарачкинском говоре чувашского языка // Типология морфосинтаксических параметров. 2021. Том 4, вып. 1. С. 53–74.

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ №20-512-14003 «Языковое разнообразие в Поволжском языковом союзе. Типология грамматических явлений и языковые контакты».

Я выражаю огромную благодарность своим коллегам по чувашской экспедиции (в особенности М. А. Холодиловой, М. Л. Федотову и Д. В. Герасимову), коллегам по Лаборатории по формальным моделям в лингвистике (в особенности Д. Е. Касенову), участникам конференции «Типология морфосинтаксических параметров», а также М. С. Полинской, А. Уильямсу, А. Ю. Белькинд, А. Б. Пановой и П. М. Аркадьеву — за помощь в подготовке настоящей статьи, и моим чувашским консультантам — за предоставленный материал. Все возможные ошибки, разумеется, остаются на моей совести.

SEMANTICS OF THE LIGHT VERB *TOK* ‘LEAVE’ IN POSHKART CHUVASH*

Fedor Golosov

*National Research University Higher School of Economics /
University of Maryland*

This article is dedicated to the semantics of the light verb *tok* ‘leave’ in the Poshkart (Maloye Karachkino) dialect of Chuvash. The semantic properties of the light verb are discussed in detail, and it is argued that the light verb is an aspectual operator forming telic complex predicates with the meaning of full coverage of an object by the action.

Keywords: light verbs, actionality, aspect, distributivity, complex predicates.

For citation: Golosov F. Semantics of the light verb *tok* ‘leave’ in Poshkart Chuvash. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2021. Vol. 4, iss. 1. Pp. 53–74. (In Rus.)

* The research is supported by the grant RFBR №20-512-14003 «Language diversity in Volga Sprachbund. Typology of grammatical phenomena and language contacts».

I am very grateful to my colleagues from the Chuvash fieldwork team (especially to M. Kholodilova, M. Fedotov and D. Gerasimov), to my colleagues from the Laboratory of formal models in linguistics (especially to D. Kasenov), to participants of the conference “Typology of Morphosyntactic Parameters”, and to M. Polinsky, A. Williams, A. Belkind, A. Panova and P. Arkadiev — for their help in preparing this article, and to my Chuvash consultants — for the provided material. All the possible mistakes are surely my own.

1. Введение

В чувашском языке есть так называемые сложные глаголы — конструкции, состоящие из двух глагольных форм, описывающих одно событие. Так, в примере (1) используется сочетание двух глаголов — *sur* ‘спать’ в форме деепричастия и главного глагола *kaj* ‘уйти’, — однако (1) переводится как ‘Вася уснул’:

- (1) *vaʒə sur-za ka-rʲ-ə.*
 Вася спать-CV_SIM уйти-PST-3SG
 ‘Вася уснул.’

Сложный глагол образуется путём присоединения к полнозначному (лексическому) глаголу в форме деепричастия грамматикализованного (так называемого лёгкого) глагола, определённым образом модифицирующего семантику лексического глагола.

В чувашском языке, как и во многих тюркских языках [Гращенков 2015], многие глаголы движения, положения в пространстве и перемещения объекта грамматикализовались в различные аспектуальные, директивные¹, модальные и валентностные операторы, см. общий обзор в [Лебедев 2016], а также посвящённые детальному рассмотрению отдельных лёгких глаголов работы [Чернов 1977; Шлуинский 2006; Голосов 2019; Golosov 2020; Голосов 2020; Golosov 2021a; 2021b]. Эта работа посвящена семантике и селективным ограничениям лёгкого глагола *tok* ‘выйти’ в малокарачкинском говоре чувашского языка.

Статья устроена следующим образом. За вводным первым разделом следует обзор литературы, в котором я расскажу об обобщениях, сформулированных в работах предшественников. Затем я обговорю методологию сбора своих собственных данных в разделе 3 и детально обсужу обнаруженные контрасты в разделе 4, после чего предложу их анализ в разделе 5. В разделе 6 я намечу возможные пути для развития исследования, а раздел 7 будет посвящён общим выводам.

¹ Имеется в виду грамматикализация глаголов в показатели с направительной семантикой.

2. Обзор литературы

Впервые лёгкий глагол *тух*² ‘выходить’ упоминается, по-видимому, в работе Н. И. Ашмарина [1898] среди других глаголов с «видовым значением». Более детальное описание семантики *тух* даётся в другой работе Ашмарина [1923], где автор говорит о наличии у сложных глаголов с *тух* двух типов значений: «действие, совершение которого соединено с выходом или выездом» [Ашмарин 1923: 50] и «действие, которое последовательно совершается над отдельными частями объекта или целым рядом предметов, или же проходит через весь предмет или целый ряд оных» [ibid].

Ещё более подробному описанию семантики лёгкого глагола *тух* ‘выходить’ посвящена статья М. Ф. Чернова [1977]. В этой работе автор пишет, что в качестве лёгкого глагол *тух* в сочетании с деепричастной формой глагола «уточняет характер проявления действий, указывая <...> на исчерпывающий охват объекта действием <...>; на исчерпанность действия <...>; на законченность действия, связанного с переходом агенса из одного состояния в другое: <...>; на проявление действия в определенной последовательности <...>; на неожиданность или внезапность действия <...>; на интенсивность проявления действия <...>; на определенность, конкретность действия» [Чернов 1977: 23-25]. Похожие толкования приводятся также в работе Э. Е. Лебедева [2016], который во многом ориентируется на работу Чернова.

Таким образом, на основе уже имеющихся в литературе описаний семантики лёгкого глагола *тух* ‘выйти’ в литературном чувашском языке мы можем сформировать и определённые ожидания относительно семантических функций лёгкого глагола *tok* в малокарачкинском говоре. Стоит отметить, однако, что несмотря на огромное количество накопленного материала, в рассмотренных работах не представлены отрицательные данные, которые бы подтверждали предсказательную силу предложенных обобщений.

Цель моей работы состоит в том, чтобы дать более детальное и подкреплённое отрицательным материалом описание одного из значений лёгкого глагола *tok* в малокарачкинском говоре чувашского языка — полноты охвата объекта действием — и предложить семантический анализ обнаруженных контрастов.

² Предыдущие исследования по семантике грамматикализованного глагола ‘выйти’ были ориентированы скорее на литературный вариант чувашского, в котором глагол имеет другую фонетическую форму. Чтобы подчеркнуть, что сформулированные обобщения не были посвящены непосредственно малокарачкинскому диалекту, при референции к чувашскому глаголу ‘выйти’ я использую литературный вариант *тух*, пользуясь принятой в цитируемых работах орфографией, т. е. чувашским кириллическим алфавитом.

3. Методология исследования

Все примеры, использованные в настоящей статье, были получены методом элицитации в ходе работы с носителями чувашского языка в селе Малое Карачкино (Пошкарт) Ядринского района республики Чувашия. Таким образом, сформулированные в моей работе обобщения касаются прежде всего именно местного малокарачкинского говора, во многом отличающегося от литературного чувашского языка.

Элицитация происходила следующим образом: я либо просил носителя перевести предложение с русского языка на чувашский, либо предлагал оценить приемлемость сконструированного мной или полученного от других носителей чувашского стимула — и в случае положительной оценки перевести его на русский язык. Ко второму способу приходилось обращаться довольно часто, поскольку сложные глаголы с *tok* не всегда оказывались первой реакцией на русские стимулы.

В некоторых случаях работа с предложениями сопровождалась введением контекста, в котором они должны были быть употреблены. Этот приём использовался ради, как минимум, одной из двух целей. Первая — сделать семантически специфический стимул более прагматически естественным для консультанта. Вторая — проконтролировать семантический параметр, не заданный в самом предложении.

Работа велась в основном с пятью носителями языка, в некоторых случаях по мере возможности привлекались данные ещё трёх носителей. Если пример был оценен как минимум тремя носителями как однозначно приемлемый, я считал его грамматичным (такие примеры в статье в общем случае никак не маркируются) или неграмматичным, если, напротив, три носителя оценили его как однозначно неприемлемый (такие примеры помечаются «звёздочкой», *). В случае, если была обнаружена вариативность, я спрашивал большее количество носителей и в зависимости от соотношения их оценок оценивал пример либо как грамматичный, либо как грамматичный лишь в примерно половине идиолектов (%), либо как неграмматичный (*). Я также учитывал общую тенденцию консультантов к более частым разрешениям или запретам, чтобы не допустить искажения данных.

Кроме уже упомянутых, в моей работе используются следующие обозначения: # — предложение прагматически неприемлемо, ? — предложение приемлемо, но не совсем естественно, ^{ok} — предложение грамматично (используется только при контрасте с *).

4. Данные

Стоит начать с того, что лёгкий глагол *tok*, как и большое количество других лёгких глаголов в чувашском языке — телисизатор (от английского *telic* ‘предельный’): он образует предельные сложные глаголы.

Примеры в (2) противопоставлены по параметру предельности, который задаётся с помощью известного теста на сочетаемость с разными типами временных адвербиалов, предложенного З. Вендлером [Vendler 1967]: в (2a) *ik konda* ‘за два дня’ задаёт предельный контекст, а в (2b) *ik kon* ‘два дня’ задаёт неопределённый контекст.

(2) a. *vaṣə kənege-je ik kon-da vula-rʲ-ə /*
 Вася книга-ОБВ два день-ЛОС читать-РСТ-3СГ

vula-za tok-rʲ-ə.
 читать-CV_SIM выйти-РСТ-3СГ

‘Вася прочитал книгу за два дня.’

b. *vaṣə kənege-je ik kon vula-rʲ-ə /*
 Вася книга-ОБВ два день читать-РСТ-3СГ

**vula-za tok-rʲ-ə.*
 читать-CV_SIM выйти-РСТ-3СГ

‘Вася (по)читал книгу два дня.’

Предложения в (2) показывают, что лексический глагол *vula* ‘читать’ в прошедшем времени может иметь как предельную интерпретацию, так и неопределённую, однако сложный глагол *vulaza tok* ‘прочитать’ допустим лишь в предельном контексте. Из этого можно сделать вывод, что лёгкий глагол *tok* ‘выйти’ служит своего рода акциональным фильтром, суживая набор интерпретаций до тех, где единичное событие, описываемое лексическим глаголом, достигает предела.

Лёгкий глагол *tok* — не единственный телисизатор, в чувашском языке аналогичную функцию имеют как минимум лёгкие глаголы *kaj* ‘уйти’, *jer* ‘послать’, *lar* ‘сесть’, *lart* ‘посадить’, *pərak* ‘бросить’ и *tək* ‘рассыпать’ [Голосов 2019; Golosov 2020; Golosov 2021a; Golosov 2021b].

Настоящей «визитной карточкой» телисизатора *tok* оказывается свойственная ему семантика дистрибутивности³. Так, лёгкий глагол образует сложные глаголы, описывающие полноту охвата частей неатомарного объекта действием, см. (3):

(3) a. *vaʒə ʒəbala-ja ʒu-rʲ-ə / *ʒu-za tok-rʲ-ə.*
 Вася ложка-ОБЖ МЫТЬ-PST-3SG МЫТЬ-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася ложку помыл.’

b. *vaʒə ʒəbala-zanʲ-a ʒu-rʲ-ə / ^{ok}ʒu-za tok-rʲ-ə.*
 Вася ложка-PL-ОБЖ МЫТЬ-PST-3SG МЫТЬ-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася (все) ложки перемыл.’

Оба предложения в (3) описывают предельные ситуации, но различаются тем, что в (3a) процесс затрагивает атомарный объект, а в (3b) целиком охватывает множество объектов, и употребление сложного глагола с *tok* оказывается возможным только во втором случае.

Лёгкий глагол может использоваться не только в сочетании с множественным объектом, как в (3b), но и с единственным участником, как в (4) — в таком случае охватываются все части объекта:

(4) a. *vaʒə oraʲ-a ʒu-za tok-rʲ-ə.*
 Вася пол-ОБЖ МЫТЬ-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася вымыл пол.’

b. Контекст. Вася чинил телегу, и в ней было много поломок.
vaʒə ^{ok/?}(pəðəm) oraʲa-ja joza-za tok-rʲ-ə.
 Вася весь телега-ОБЖ чинить-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася починил всю телегу.’

На объект, охваченный действием, накладываются естественные для дистрибутивности ограничения: охватить его обозначенным лексическим глаголом действием целиком не должно быть тривиальной задачей. Это можно видеть на контрасте, представленном в (5):

(5) a. *vaʒə oraʲ-a ʒu-rʲ-ə / ^{ok}ʒu-za tok-rʲ-ə.*
 Вася пол-ОБЖ МЫТЬ-PST-3SG МЫТЬ-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася вымыл (весь) пол.’

³ Как будет заметно дальше, лёгкий глагол *tok* ‘выйти’ семантически очень похож на дистрибутивную приставку *пере-* в русском языке, см. её формальный анализ, предложенный в [Romanova 2007].

- b. *vaʃə ʃəbala-ja ʃu-rʲ-ə / #ʃu-za tok-rʲ-ə.*
 Вася ложка-OBJ мыть-PST-3SG мыть-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася вымыл (#всю) ложку.’

- c. Контекст. Сейчас активно развиваются нанотехнологии, и, в частности, учёные создают жучков, например, в целях шпионажа. И вот учёные решили создать муравья-мойщика, который очень маленький и лапками вымывает посуду.

- kətka ʃəbala-ja ʃu-rʲ-ə / ^{ok}ʃu-za tok-rʲ-ə.*
 муравей ложка-OBJ мыть-PST-3SG мыть-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Муравей (всю) ложку вымыл.’

Так, обычно мытьё пола (5a) — постепенно развивающийся процесс, и прагматически естественно говорить о разной степени охваченности пола в ходе действия. Этого же нельзя сказать о ситуации, когда человек моет ложку (5b): обычно человек моет ложку “в один приём”, и, таким образом, указание на полноту его охвата прагматически странно. Положение вещей, однако, меняется, если агентивный участник — это не человек, а искусственный муравей-посудомойщик (5c): для него, в силу размера, ложка как объект мытья уже не атомарна — и это отражается на приемлемости лёгкого глагола *tok*.

Похожим образом объясняется и контраст в (6):

- (6) a. *vaʃə kənege-je vula-rʲ-ə / vula-za tok-rʲ-ə.*
 Вася книга-OBJ читать-PST-3SG читать-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася прочитал книгу.’

- b. *vaʃə xəj-ən jat-nʲ-a vula-rʲ-ə / %vula-za tok-rʲ-ə.*
 Вася свой-GEN имя-Р_3-OBJ читать-PST-3SG читать-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася прочитал своё имя.’

Комментарии: ‘Имя очень короткое, что там читать, нужен текст какой-то хотя бы; можно, если человек болен дислексией и прочитал по буквам с большими усилиями, или если это учащийся читать ребёнок.’

Использование сложного глагола при переводе русского предложения *Вася прочитал книгу*, как в (6a), не просто допустимо, а предпочтительно: носители порождают его в качестве первой реакции и иногда даже указывают на то, что лексический глагол *vula* ‘читать’ без лёгкого глагола менее

приемлем. Однако всё меняется, если объектом выступает не книга, у которой легко выделяются контекстно релевантные части (главы, страницы, предложения и пр.), а одно слово — например, имя, как в (6b). В таком контексте носители либо вовсе не допускают сложный глагол с *tok*, либо оценивают его как прагматически специфичный: так можно сказать только в том случае, если прочтение имени оказывается нетривиальной задачей.

Понятно, что функционально релевантная делимость объекта на части — это очень нестрогое, абстрактное понятие. В следующем разделе я подробно остановлюсь на том, какой именно компонент семантики лёгкого глагола *tok* отвечает за этот параметр, и дам ему более строгую формулировку.

Объект, полнота охвата которого описывается сложным глаголом, может быть не только прямым дополнением (7a), но и непрямым (7b), а также подлежащим (7c) и даже косвенным дополнением (7d) — никаких ограничений на синтаксический статус обнаружено не было:

(7) a. *vaçə (mën-bor) jabala-zanⁱ-a joldaz-zanⁱ-a*
 Вася что-весь вещь-PL-OBJ друг.Р_3-PL-OBJ

par-za tok-rⁱ-ə.
 дать-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Вася все свои вещи раздал друзьям.’

b. *vaçə por joldazə okça par-za tok-rⁱ-ə.*
 Вася весь друг-Р_3 деньги дать-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Вася всем друзьям дал деньги.’

c. *por atça = da lenin səmz-in-e tit-sa tok-rⁱ-əç.*
 весь дитя = ADD Ленин нос-Р_3-OBJ трогать-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Все дети перетрогали нос Ленина.’

d. *vaçə por joldaz-ə-ba = da tël bol-za tok-rⁱ-ə.*
 Вася весь друг-Р_3-INS = ADD место статья-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Вася со всеми друзьями перевстречался.’

Сложные глаголы с *tok* ‘выйти’ оказываются чувствительны к такому параметру, как глагольная множественность [Cusic 1981; Храковский 1989; Шлуинский 2006; Henderson 2012]. Так, полный охват объекта действием должен быть не одномоментным, а последовательным, причём предпочтительно большое количество стадий:

- (8) a. *vaʃə por joldaz-ə-ba = da təl bol-za tok-r^j-ə.*
 Вася весь друг-Р_3-INS = ADD место стать-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася со всеми друзьями перевстречался (по очереди/*разом).’
- b. *vaʃə pədəm vərəm-tona-ja vələr-ze tok-r^j-ə.*
 Вася весь длинный-нога-OBJ убить-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася всех комаров переубивал (разом/%за две попытки/^{ok}за много попыток).’

Так, предложение (8a) может описывать серию отдельных встреч Васи с друзьями, но не одну общую, а пример (8b) невозможен в случае, если Вася убивает всех комаров разом (например, с помощью мухобойки). Более того, для части носителей (8b) недопустим и в том случае, если Вася убил комаров за две попытки: для них принципиально, чтобы событие состояло из относительно большого количества стадий⁴.

До настоящего момента не было приведено доказательств, что для *tok* принципиально наличие объекта: основываясь на тех же данных, можно было бы предположить, что лёгкий глагол на самом деле требует не полноты охвата некоторого объекта, а только лишь наличия у события стадий, ведущих к его исчерпанности. Однако это не так, см. контраст в (9):

- (9) a. *vaʃə ʃər taran ʃotla-r^j-ə / %ʃotla-za tok-r^j-ə.*
 Вася сто до считать-PST-3SG считать-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася досчитал до ста.’
- b. *vaʃə tʃeb-ë ʃuri-zen-e ʃotla-za tok-r^j-ə.*
 Вася курица-Р_3 детёныш-PL-OBJ считать-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася всех цыплят пересчитал.’

Оба предложения в (9) описывают процесс счёта, однако только в (9b) есть множество объектов, которые считаются: в (9a) происходит обычное перечисление числительных, характерное, например, для игры в прятки. Для части носителей лёгкий глагол *tok* возможен только в (9b), причём

⁴ В контексте, в котором спрашивалось предложение (8b), Вася убивает 10 комаров, причём сценарий убийства, состоящего из двух стадий, задавался следующим образом: Вася убивает 5 комаров с первой попытки и 5 комаров со второй. Таким образом контролировался потенциальный побочный параметр — количество контекстно релевантных частей неатомарного объекта (или множества объектов). Как можно видеть, в разных сценариях для примера (8b) участвует одно и то же количество комаров, так что большого количества атомарных объектов оказывается недостаточно для лицензирования *tok*.

его неприемлемость в (9a) они объясняют как раз тем, что нету множества объектов, подвергающихся счёту⁵.

Показательны также примеры в (10):

(10) а. *vaɕə bassejn-a ɕu-ba tol-dar-tɕ-ə /*
 Вася бассейн-OBJ вода-INS наполниться-CAUS-PST-3SG

**tol-dar-za tok-rʲ-ə.*
 наполниться-CAUS-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Вася наполнил бассейн водой.’

Комментарий: ‘Нужно как минимум несколько бассейнов.’

б. Контекст. Вася разбил тарелку на мелкие кусочки.

vaɕə tarelk-a ɕëmër-tɕ-ë / #ɕëmër-ze tok-rʲ-ə.
 Вася тарелка-OBJ разбить-PST-3SG разбить-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Вася разбил тарелку.’

Комментарий: ‘Надо несколько тарелок хотя бы.’

В обоих предложениях в (10) есть объект-пациенс, однако неверно, что действие охватывает все его части. Так, в общем случае нельзя сказать, что при заполнении бассейна все его части оказываются наполнены водой — потому что таких частей у бассейна обычно нет. Аналогичный случай наблюдается в (10b): неверно, что у тарелки были контекстно релевантные части, каждая из которых оказалась разбита. В обоих случаях носители предлагали сделать объект множественным — вероятно, потому что в таком случае требование на применение действия ко всем частям неатомарного объекта как раз было бы легко удовлетворено.

Наконец, в сочетании с глаголами *pək* ‘смотреть’ и *etle* ‘слушать’ (и, возможно, с какими-то ещё глаголами, не попавшими в выборку) лёгкий глагол *tok* образует сложные глаголы, описывающие события с особой вовлечённостью агенса в событие, см. контраст в (11):

(11) а. Контекст. Вася — простой зритель.

*vaɕə kino-ja pək-rʲ-ə / *pək-sa tok-rʲ-ə.*
 Вася кино-OBJ смотреть-PST-3SG смотреть-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Вася посмотрел фильм.’

⁵ Возможно, для тех носителей, для которых пример (9a) всё-таки допустим, сами цифры и оказались проинтерпретированы как множество, охватываемое в ходе счёта.

b. *kinəkritək kino-ja pək-r^j-ə / pək-sa tok-r^j-ə.*
 кинокритик кино-ОБЖ смотреть-PST-3SG смотреть-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Кинокритик детально просмотрел фильм.’

Так, в (11) лёгкий глагол *tok* требует, чтобы человек смотрел фильм не в качестве обычного зрителя, а как вездливый кинокритик — и внимательно просмотрел фильм от начала до конца. Аналогичный контраст наблюдается и для глагола *etle* ‘слушать’ в (12) — правда, многие носители оценивают такой пример как малопримлемый даже в контексте особой вовлечённости агенса:

(12) a. *vaçə pədəm leksij-e etle-r^j-ə.*
 Вася весь лекция-ОБЖ слушать-PST-3SG
 ‘Вася прослушал всю лекцию.’

b. *%vaçə pədəm leksij-e etle-ze tok-r^j-ə.*
 Вася весь лекция-ОБЖ слушать-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася всю лекцию внимательно прослушал (например, на записи).’

Как я покажу в следующем разделе, такой эффект особой вовлечённости агенса можно вывести из дистрибутивного значения лёгкого глагола *tok*, а именно из требования на применимость предиката, описывающего событие в целом, к каждой из его частей.

5. Анализ

Учитывая совокупность данных, представленных в предыдущем разделе, я предлагаю следующий анализ семантики лёгкого глагола *tok*:

(13) Событие *e*, описываемое сложным глаголом с *tok*, должно состоять из относительно длинной цепочки следующих друг за другом подсобытий, постепенно ведущих к его кульминации, причём каждое из этих подсобытий подпадает под условия истинности лексического предиката. При этом существует такой индивид *x*, что каждое подсобытие *e* события *e* охватывает некоторую его собственную часть *x*, и кульминация события *e* — это момент, в который весь *x* оказывается затронут действием.

Разберём обобщение, предложенное в (13), подробнее. Очевидно, что оно делает некоторые тривиальные предсказания в отношении предикатов,

описываемых сложными глаголами, такие как их **предельность** (за счёт требования наличия у события е кульминации, то есть предела), **событийная множественность** (в виде требования на длинную цепочку следующих друг за другом подсобытий) и **дистрибутивность** (каждая выделяемая часть объекта затрагивается некоторой выделяемой частью события). В этом отношении анализ полезен лишь технически: он представляет собой формализованное объединение обобщений, сделанных в предыдущем разделе (см. обсуждение примеров (2), (8) и (3–4) соответственно).

Однако помимо вышеизложенных тривиальных, имеются и некоторые нетривиальные предсказания. Все они сводятся к ещё одному компоненту анализа в (13): событие, описываемое сложным глаголом с *tok*, должно **состоять из таких подсобытий, что каждое из них подпадает под условия истинности предиката Р, задаваемого лексическим глаголом.**

Первое предсказание, которое делает анализ благодаря этому требованию, — тривиально и является его прямым отражением. Так, недостаточно, чтобы объект как целое был охвачен действием, описываемым лексическим глаголом, — необходимо, чтобы тем же действием были охвачены и его контекстно релевантные части. Этим объясняется неприемлемость примеров в (10), повторенных здесь как (14):

(14) а. *vaɕə* *bassejn-a* *ɕu-ba* *tol-dar-tɕ-ə* /
 Вася бассейн-ОБЖ вода-INS наполниться-CAUS-PST-3SG

**tol-dar-za* *tok-rʲ-ə*.
 наполниться-CAUS-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Вася наполнил бассейн водой.’

Комментарий: ‘Нужно как минимум несколько бассейнов.’

б. Контекст. Вася разбил тарелку на мелкие кусочки.

vaɕə *tarelk-a* *ɕëmër-tɕ-ë* / #*ɕëmër-ze* *tok-rʲ-ə*.
 Вася тарелка-ОБЖ разбить-PST-3SG разбить-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Вася разбил тарелку.’

Комментарий: ‘Надо несколько тарелок хотя бы.’

Как уже было отмечено в предыдущем разделе, в примере (14а) *tok* невозможен, поскольку, хотя и верно, что Вася наполнил бассейн, неверно, что про любую часть бассейна можно сказать, что Вася её наполнил — таких частей либо нет, либо их невозможно заполнить (например, даже если бассейн разделён на дорожки, в общем случае их нельзя заполнить друг за

другом, поскольку они не разделены стенками). В примере (14b) сложный глагол с *tok* также недопустим, поскольку довольно сложно представить себе разделение тарелки на контекстно релевантные части и по очереди разбивать каждую из них — этот процесс устроен по-другому.

При работе с обоими предложениями в (14) консультанты предлагали заменить атомарный объект множественным, что также хорошо согласуется с моим анализом: естественно, что наполнение нескольких бассейнов может представлять собой наполнение каждого из бассейнов по очереди и что разбить несколько тарелок можно, разбивая каждую тарелку по отдельности.

Другое предсказание, следующее из этого же источника, представляется уже не таким тривиальным — оно касается прагматической неадекватности примеров типа (15):

(15) a. *vaʒə ʒəbala-ja ʒu-rʲ-ə / *ʒu-za tok-rʲ-ə.*
 Вася ложка-OBJ мыть-PST-3SG мыть-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася ложку помыл.’

b. *vaʒə xəj-ən jat-nʲ-a vula-rʲ-ə /*
 Вася свой-GEN имя-Р_3-OBJ читать-PST-3SG

%vula-za tok-rʲ-ə.
 читать-CV_SIM выйти-PST-3SG

‘Вася прочитал своё имя.’

Комментарии: ‘Имя очень короткое, что там читать, нужен текст какой-то хотя бы; можно, если человек болен дислексией и прочитал по буквам с большим усилием, или если это учащийся читать ребёнок.’

В предыдущем разделе я объяснил неприемлемость таких примеров достаточно неформально: у объектов в (15) нет естественного деления на части в отношении действия, которое должно их полностью охватить.

Мой анализ позволяет сформулировать это требование более строго и, кроме того, указывает на конкретный источник прагматической неадекватности примеров в (15). Так, семантика лёгкого глагола *tok* вынуждает нас не просто членить тривиальные события мытья ложки и чтения имени на подсобытия — она вынуждает нас делать это таким образом, чтобы каждое из этих подсобытий можно было описать с помощью предиката, задаваемого лексическим глаголом.

Именно в этом месте и дают о себе знать прагматические проблемы. Так, использование лёгкого глагола *tok* в примере (15a) вынуждает слушающего обратиться к прагматически странной⁶ ситуации *Вася помыл часть ложки*, а в примере (15b) — к ситуации *Вася прочитал букву*, прагматическая адекватность которой регулируется контекстом и максимальной релевантности: так можно сказать только в том случае, если действительно было неочевидно, что Вася справится с чтением буквы.

Наконец, с помощью требования истинности лексического предиката относительно каждого из подсобытий мой анализ предсказывает и контраст, наблюдаемый у сложных глаголов с лексическим глаголом *pək* ‘смотреть’:

(16) а. Контекст. Вася — простой зритель.

*vaɕə kino-ja pək-r^j-ə / *pək-sa tok-r^j-ə.*
 Вася кино-ОБЪ СМОТРЕТЬ-PST-3SG СМОТРЕТЬ-ОБЪ ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася посмотрел фильм.’

б. *kinəkritək kino-ja pək-r^j-ə / pək-sa tok-r^j-ə.*
 кинокритик кино-ОБЪ СМОТРЕТЬ-PST-3SG СМОТРЕТЬ-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Кинокритик детально просмотрел фильм.’

На первый взгляд, непонятно, чем процесс, описанный в (16a), отличается от мытья пола, как в (17a), или чтения книги, как в (17b). Во всех трёх случаях имеет место постепенный охват инкрементального объекта действием, но особая вовлечённость агенса в процесс необходима только в случае с глаголом *pək* ‘смотреть’ — для *ɕu* ‘мыть’ и *vula* ‘читать’ особого контекста не требуется:

(17) а. *vaɕə oraj-a ɕu-za tok-r^j-ə.*
 Вася пол-ОБЪ МЫТЬ-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася вымыл пол.’

б. *vaɕə kənege-je vula-za tok-r^j-ə.*
 Вася книга-ОБЪ ЧИТАТЬ-CV_SIM ВЫЙТИ-PST-3SG
 ‘Вася прочитал книгу.’

⁶ Заметим, что пропозиция *Муравей помыл часть тарелки* лишена тех же прагматических препятствий, поскольку от муравья-посудомойщика в силу его размеров можно ожидать, что он помоеет ложку постепенно/частично — и поэтому пример (8c), в отличие от (8b/15a), оценивается носителями как допустимый.

Мой анализ позволяет объяснить, почему так происходит. Дело в том, что просмотр кино, в отличие от чтения книги или мытья пола, в общем случае не предполагает противопоставления по полноте охвата: если у книги есть актуальное деление на главы, а пол может быть полностью или не полностью вымыт, то для просмотра фильма простым человеком ни то, ни другое противопоставление не актуально.

Совсем другое дело, если фильм смотрит кинокритик. В таком случае перед ним стоит дополнительная цель — сделать разбор художественного произведения. Этот разбор может происходить с разной степенью подробности: кинокритик может посмотреть фильм, уделяя внимание только нескольким, особо важным, эпизодам, а может подробно изучить каждый из них. В таком контексте уже легко выделяются релевантные подсобытия, каждое из которых описывается как *Кинокритик просмотрел эпизод фильма*.

Дополнительный аргумент в пользу того, что эффект особой вовлечённости агенса в событие связан именно с дистрибутивной семантикой лёгкого глагола *tok*, состоит в том, что этого эффекта не наблюдается, если объект семантически множественный:

- (18) *vaʒə serial-a pək-sa tok-r^j-ə.*
 Вася сериал-ОВJ смотреть-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася весь сериал посмотрел.’

Так, просмотр сериала, в отличие от просмотра одного фильма, естественным образом разбивается на контекстно релевантные подсобытия просмотра конкретных серий — и пример (18) оказывается допустим без дополнительной аккомодации какого бы то ни было контекста. В частности, предложение (18) допустимо даже в том случае, если Вася лежал на диване и отдыхал, не вдаваясь в подробный анализ каждой серии.

Перед тем, как завершить настоящий раздел, имеет смысл объяснить, почему я не предложил формального анализа в рамках, например, неодавидсоновской семантики событий [Parsons 1990]. Я считаю, что на настоящий момент набор доступных данных не позволяет мне воспользоваться преимуществами этого аппарата.

Во-первых, чтобы построить полноценный формальный анализ в рамках неодавидсоновской семантики, необходимо знать, к какому семантическому типу относится лёгкий глагол, а для этого, в частности, необходимо установить, в каком именно месте он вступает в деривацию — у меня пока нет данных, помогающих ответить на этот вопрос. Во-вторых, собранный

мною на настоящий момент материал не позволяет определить, какие компоненты семантики лёгкого глагола *tok* заключены в его пресуппозиции, а какие — в ассерции; подробнее об этом см. следующий раздел.

Тем не менее, принимая во внимание всё сказанное, я смею надеяться, что мой анализ и в таком предварительном виде обладает достаточной степенью строгости, чтобы делать те предсказания, которые я обсуждаю в рамках этой статьи.

На этом раздел, посвящённый анализу, завершается, и перед тем, как перейти к выводам, нам осталось обсудить некоторые наиболее очевидные перспективы в развитии исследования.

6. Некоторые нерешённые вопросы

Итак, во-первых, необходимо собрать данные для того, чтобы можно было построить полноценный формальносемантический анализ лёгкого глагола *tok*. Для этого, в частности, необходимо определить, какие компоненты значения сложных глаголов с *tok* входят в пресуппозицию, а какие — в ассерцию. В этом смысле интересны предварительные данные о сочетаемости моих конструкций с отрицанием, которые показывают, что по крайней мере наличие ситуации в актуальном мире находится в ассерции. Так, например, в (19) может отрицаться не только предел исчерпанности действия, но и сам факт наличия события:

(19) Контекст 1. Вася мыл пол, но не закончил.

Контекст 2. Вася и не начинал мыть пол.

vaʃə oraʃ ʃu-za tok-ma-rʲ-ə.

Вася пол мыть-CV_SIM выйти-NEG-PST-3SG

‘Вася не помыл пол.’

Во-вторых, для анализа, сформулированного в (13), принципиально важно, как семантически устроены сложные глаголы с *tok*, образованные от коллективных предикатов типа *собрать друзей*, которые исключают дистрибутивное прочтение: нельзя собрать одного друга. Анализ в (13) предсказывает, что *tok* может образовывать сложные глаголы от таких предикатов только в том случае, если охватываемое множество объектов распределено по подсобытиям, каждое из которых также подпадает под условия истинности рассматриваемого предиката. Так, в случае с предикатом ‘собрать друзей’ предсказывается, что образованный от него сложный глагол будет значить ‘собрать друзей в несколько групп’.

Наконец, мой анализ не объясняет, почему лёгкий глагол чувствителен к такому параметру⁷, как контролируемость действия, см. минимальную пару в (20):

(20) a. *vaʒə pëdëm tʃøretʃe-je uʒ-sa tok-r^j-ə.*
 Вася весь окно-ОБJ открыть-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Вася все окна переоткрывал.’

b. *#çil pëdëm tʃøretʃe-je uʒ-sa tok-r^j-ə.*
 ветер весь окно-ОБJ открыть-CV_SIM выйти-PST-3SG
 Ожид.: ‘Ветер все окна переоткрывал.’
 Комментарий: ‘Только если ветер был разумным, как в сказке.’

Так, в (20a) субъектом открывания является разумное существо, человек Вася, а в (20b) — ветер, стихийный каузатор. Использование сложного глагола с *tok* совершенно приемлемо в (20a), но странно в (20b): носители указывают на то, что ветер не может поставить себе цель открыть все окна в комнате — если только это не разумная стихия, как в сказках или в мифах. Похожий эффект наблюдается в примере (21):

(21) *ʂəna maŋ-a pëdëm-bek çirt-sa pëder-tʃ-ë /*
 муха я-ОБJ весь-INS.EMPH кусать-CV_SIM завершить-PST-3SG

#çirt-sa tok-r^j-ə.
 кусать-CV_SIM выйти-PST-3SG
 ‘Муха меня всего искусала.’
 Комментарий: ‘Звучит так, как будто у мухи был определённый план по тому, как меня искусать.’

На данный момент не совсем понятно, какой в точности семантический принцип определяет наблюдаемые в (20) и (21) контрасты и выводится ли он как-то из значения полноты охвата объекта действием — это также тема для дальнейшего исследования. Однако на то, что требование контролируемости события может быть связано с дистрибутивной семантикой, косвенно указывают данные русского языка. Так, по крайней мере для некоторых носителей имеет место тот же самый контраст, что и в (22), если используется приставка *пере-* в дистрибутивной функции:

⁷ Эта информация не была включена в раздел, посвящённый данным, поскольку на настоящий момент недостаточно ясна семантическая природа этого противопоставления, и оно не было отражено в анализе.

(22) а. *Вася все окна переоткрывал.*

б. *#Ветер все окна переоткрывал.*

Интересно, что чувствительность лёгкого глагола *tok* к параметру контролируемости затрудняет поиск ответа на другой вопрос: чувствителен ли лёгкий глагол к (не)пациентивности субъекта лексического глагола. Этот параметр релевантен для многих других лёгких глаголов-телисизаторов в чувашском языке [Голосов 2019; Golosov 2020, 2021a, 2021b]: так, глаголы *kaj* ‘уйти’ и *lar* ‘сесть’ требуют пациентивного субъекта, а глаголы *jer* ‘послать’, *lart* ‘поставить’, *pərak* ‘бросить’ и *tək* ‘разбросать’, наоборот, требуют, чтобы субъект пациенсом не был. Более того, релевантность этого параметра подтверждается и типологически, ср. данные горномарийского языка [Голосов 2018] и языков Южной Азии [Ramchand 2008; Ozarkar, Ramchand 2018].

По предварительным данным, лёгкий глагол не сочетается с непереходными глаголами с пациентивным субъектом: были проверены такие глаголы как *uk* ‘упасть’, *vil* ‘умереть’ и *tip* ‘высохнуть’. Однако проблема состоит в том, что в общем случае контролируемость предиката и так предполагает агентивность участника, поэтому развести два параметра получится только в том случае, если выяснится, что тот принцип, который объясняет контраст в (21) — это не совсем контролируемость «в чистом виде».

7. Заключение

Итак, я показал, что лёгкий глагол *tok* — это аспектуальный оператор, образующий предельные сложные глаголы со значением полноты охвата объекта действием. Подробно разобрав семантические контрасты, обнаруженные в собранном материале, я предложил анализ лёгкого глагола *tok*, учитывающий такие параметры, как предельность сложного глагола, наличие объекта охвата, разделённость во времени подсобытий охвата и попадание каждого из подсобытий в экстенционал предиката, задаваемого лексическим глаголом. Интересно, что последний фактор ни в каком виде не упоминался в работах предшественников. Он оказывает особенное влияние на предсказательную силу анализа, поскольку достаточно точно объясняет в том числе и чувствительность лёгкого глагола к функционально релевантной членности охватываемого объекта на части, а также эффект особенной вовлечённости агенса в событие в сочетании с глаголами *pək* ‘смотреть’ и *etle* ‘слушать’.

Предложенный анализ позволяет не только формализовать и объяснить уже описанные семантические контрасты, но и наметить пути для дальнейшего изучения, такие как исследование поведения лёгкого глагола *tok* с коллективными предикатами, а также того, как компоненты значения телесизатора распределены между его пресуппозицией и ассерцией. Кроме того, были обнаружены некоторые факты, которые пока только предстоит интегрировать в анализ: чувствительность лёгкого глагола *tok* к контролируемости предиката и его несочетаемость с глаголами с субъектом-пациентом (непонятно пока, вытекает ли это требование из предыдущего или нет).

Подходя к концу, я хотел бы выразить надежду, что настоящее исследование окажется полезным не только для лучшего понимания глагольной системы чувашского языка и в целом типологии глагольных значений, но и для описания других лёгких глаголов, грамматикализовавшихся из лексем со значением 'выйти'. Так, судя по обширному исследованию в работе [Гращенков 2015], в части тюркских языков глаголы со значением 'выйти' образуют сложные глаголы с похожим значением. Так, например, в узбекском, кумыкском и турецком языках у таких сложных глаголов фиксируется значение полноты совершения действия над объёмным аффилированным объектом, см. [Гращенков 2015: 82–83] и приведённые там ссылки.

Список условных сокращений

3 — третье лицо; ADD — аддитивная частица; CV_SIM — деепричастие одновременности (используется также как одна из форм прошедшего времени); EMPH — эмфатическая частица; GEN — генитив; INS — инструменталис; LOC — локатив; NEG — отрицание; OBJ — объектный падеж; P_3 — посессив третьего лица; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Ашмарин 1898 — Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типолитография Императорского университета. 1898. [Ashmarin N.I. Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka [Materials for research of the Chuvash language]. Kazan': Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta. 1898.]
- Ашмарин 1923 — Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск. 1923. [Ashmarin N.I. Opyt issledovaniya chuvashskogo sintaksisa [Chuvash syntax research experience]. Vol. 2. Simbirsk. 1923.]
- Голосов 2018 — Голосов Ф.В. Дистрибуция лёгких глаголов *keäš* 'уйти' и *koltaš* 'послать' в горномарийском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2018. Том 1, вып. 2. С. 28–45. [Golosov F.V. Distributsiya legkikh glagolov *keäš* 'uiti' i *koltaš* 'poslat' v gornomariiskom yazyke [Distribution of light verbs *keäš* 'to go' and *koltaš* 'to send' in Hill Mari]. Typology of Morphosyntactic Parameters. 2018. Vol. 1, iss. 2. Pp. 28–45.]

- Голосов 2019 — Голосов Ф.В. Синтаксис и семантика легких глаголов-телисизаторов в горномарийском и чувашском языках. Выпускная квалификационная работа студента 4 курса бакалавриата, НИУ ВШЭ, 2020. [Golosov F.V. Sintaksis i semantika legkikh glagolov-telisizatorov v gornomariiskom i chuvashskom yazykakh [Syntax and semantics of the telicizing light verbs in Hill Mari and Poshkart Chuvash]. BA Thesis, NRU HSE, 2020.]
- Голосов 2020 — Голосов Ф.В. Семантика и селективные ограничения лёгкого глагола *pərak* ‘бросить’ в пошкартском диалекте чувашского языка // Типология морфосинтаксических параметров, 3(2), 2020. С. 52–78. [Golosov, F. V. Semantika i selektivnye ogranicheniya legkogo glagola *pərak* ‘brosit’ v poshkartskom dialekte chuvashskogo yazyka [Semantics and selectional restrictions of the light verb *pərak* ‘throw’ in Poshkart Chuvash]. Typology of Morphosyntactic Parameters. 2020. Vol. 3, iss. 2. Pp. 52–78.]
- Гращенко 2015 — Гращенко П.В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры. 2015. [Grashchenkov P.V. Tyurkskie konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya [Turkic converbs and serialization: Syntax, semantics and grammaticalization]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 2015.]
- Лебедев 2016 — Лебедев Э.Е. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 2016. [Lebedev È.E. Aktsionsartovye znacheniya slozhnoverbal'nykh analiticheskikh form v chuvashskom yazyke [Actional meanings of the complex predicate analytic forms in Chuvash]. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk. 2016.]
- Храковский 1989 — Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Храковский В. С. (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989. С. 5–53. [Khrakovskii V.S. Semanticheskie tipy mnozhestva situatsii i ikh estestvennaya klassifikatsiya [Semantic types of the event plurality and their natural classification]. Khrakovskii V.S. (ed.). Typology of iterative constructions. L.: Nauka, 1989. Pp. 5–53.]
- Чернов 1977 — Чернов М.Ф. К вопросу о классификации сочетаний слов с глаголом *tukh* «выйти» в чувашском языке // Вопросы истории и грамматики чувашского языка. Чебоксары. Вып. 74, 1997. С. 16–40. [Chernov M.F. K voprosu o klassifikatsii sochetanii slov s glagolom *tukh* «vyiti» v chuvashskom yazyke [Classifying the word combinations containing the verb *tukh* ‘go’ in Chuvash]. History and grammar of Chuvash. Cheboksary. Iss. 74, 1997. Pp. 16–40.]
- Шлуинский 2006 — Шлуинский А.Б. Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке. Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология, 2006 (1). С. 32–47. [Shluinskii A.B. Aktsional'nost' i aspektual'nyi pokazatel': konstruktsiya so vspomogatel'nyim glagolom *il-* v chuvashskom yazyke [Actionality and aspectual marker: Constructions with *il-* auxiliary in Chuvash.]. Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology, 2006 (1). Pp. 32–47.]
- Cusic 1981 — Cusic D.D. Verbal plurality and aspect. Doctoral dissertation, Stanford University, 1981.
- Golosov 2020 — Golosov F.V. Event structure of the complex predicates in Chuvash. Term paper of the first year MA student, NRU HSE, 2020.
- Golosov 2021a — Golosov F.V. Event structure of complex predicates with the light verb *lart* ‘seat, put’ in Poshkart Chuvash. Acta Linguistica Petropolitana, 17, 2021, Pp. 406–440.
- Golosov 2021b — Golosov F.V. Event structure of the complex predicates in Poshkart Chuvash. MA Thesis, NRU HSE, 2021.

- Henderson 2012 — Henderson R.M. Ways of pluralizing events. Doctoral dissertation, UC Santa Cruz, 2012.
- Ozarkar, Ramchand 2018 — Ozarkar R., Ramchand G. Structure matching and structure building in Marathi complex predicates. *Journal of South Asian Linguistics*, 8, 2018. Pp. 3–28.
- Parsons 1990 — Parsons T. Events in the Semantics of English. Cambridge, MA: The MIT Press, 1990.
- Ramchand 2008 — Ramchand G. Lexical items in complex predications: Selection as undersociation. *Tromsø Working Papers on Language & Linguistics: Nordlyd 35*, special issue on Complex Predication. Svenonius P., Tolskaya I. (eds.). CASTL, Tromsø. 2008. Pp. 115–141.
- Romanova 2007 — Romanova E. Constructing perfectivity in Russian. Ph.D. thesis. University of Tromsø, 2007.
- Vendler 1957 — Vendler Z. Verbs and times. *The philosophical review*, 66(2), 1957. P. 143–160.

Статья поступила в редакцию 02.11.2021

The article was received on 02.11.2021

Голосов Фёдор Валентинович

магистр; стажёр-исследователь, лаборатория по формальным моделям в лингвистике, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; аспирант 1 года обучения, Университет Мэриленда

Fedor Golosov

Master of Arts; research assistant, Laboratory of Formal Models in Linguistics, National Research University Higher School of Economics; 1st year Ph.D. student, University of Maryland

golosovfv@gmail.com